

Д.Н. Новиков

**СИНХРОННЫЙ
АНАЛИЗ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ
НЕОДНОЗНАЧНОСТИ:
ОТ СЕМАНТИКИ
К КОГНИТИВНОЙ
(ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ)
СЕМАНТИКЕ**

Ключевые слова: полисемия, омонимия, инвариантное значение, когнитивная семантика, лексико-семантические варианты, лексический прототип.

Предлагаемый подход базируется на предпосылке о том, что семантическая структура слова имеет в своей основе инвариант, относящийся к числу составляющих ментального лексикона человека, – лексический прототип, предшествующий всем актуальным значениям слова. Это пучок интегральных и дифференциальных узуральных признаков, минимально необходимых для идентификации предмета или понятия.

Новиков

Дмитрий Николаевич – канд. филол. наук, доцент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ

© Д.Н. Новиков, 2008

В истории языкознания предлагалось немало различных методов разграничения неоднозначных слов на полисемантические слова и омонимы, в том числе и семантические (см., например, [Новиков, 2003]). В нашей стране над разработкой семантического критерия как основного трудились такие ученые, как К.А. Аллендорф, М.И. Задорожный, И.С. Тышлер и др. Их работы стали во многом предтечей современных когнитивно-семантических исследований. Прямо или косвенно они опирались на возможность существования некоего инвариантного значения как основы критерия разделения лексических единиц на многозначные слова и омонимы.

Однако следует признать, что в работах указанных авторов также есть неясности в силу отсутствия более или менее последовательной теории семантического инварианта в структуре многозначного слова. Этот фактор, в конечном счете, и приводил к противоречивым решениям проблемы лексической неоднозначности. Так, например, И.С. Тышлер резко выступает против лексикализации формы множественного числа типа: *colour* (цвет) и *colours* (знамя); *small* (маленький) и *smalls* (мелкие вещи, отданные в стирку); *spectacle* (зрелище, сцена, спектакль) и *spectacles* (очки): «В толковых словарях, – пишет он, – структура этих слов позволяет обнаруживать связь, не позволяющую считать их омонимами» [Тышлер, 1988, с. 83]. Их действительно нельзя считать омонимами, но только «по определению»: единицы имеют разный звуковой состав. Вопрос же о

том, считать их разными словами или формами одного слова, имеет другую природу и должен решаться в исследованиях по словообразованию (в случае с *small* – *small's* это еще и разные части речи).

И.С. Тышлер выступает за то, что «дробление слова на омонимы надо проводить обоснованней. Оно должно опираться не на особые морфологические показатели, различные словообразовательные ряды..., а на семантический фактор. Под последним имеется в виду несовместимость значений, невыводимость одного из другого в современном состоянии языка» [там же, с. 82]. Ученый предлагает использовать понятие инварианта как «нескольких, а лучше всего одного какого-либо признака, который объединил бы все значения полисемичного слова». Однако дальше выдвижения этого «лозунга» автор не идет и не пытается провести границу между языком и речью, определить место и функцию инварианта в осуществлении языковой коммуникации, а также его структуру. Он предлагает рассматривать некую «трансформу» в качестве эквивалента инвариантного значения, которая объясняет одно значение через другое, и, таким образом, его семантический критерий, до конца не разработанный, так и остается достаточно туманным. Все это приводит к разным решениям. Например, трансформа объяснения существительного **band** позволяет И.С. Тышлеру считать его полисемичным: 1. A thin flat STRIP with which anything loose or a number of parts can be tied, BOUND, UNITED or held TOGETHER. 2. That which like a STRIP connects, BOUNDS, UNITES TOGETHER by an immaterial force or influence. 3. A STRIP of straw with which sheaves are BOUND, UNITED TOGETHER. 4. A narrow strip of cloth in any part of dress with which separate articles of dress can be BOUND, UNITED TOGETHER (as a hat, waist at the neck or sleeves). 5. A group of people UNITED TOGETHER for a common purpose, which like a STRIP connects, BINDS, unites together as a number of things or parts. Thus: a group of armed men united together for military operations. 6. A group of musicians UNITED TOGETHER for playing. 7. A group of robbers UNITED TOGETHER for robbery.

С другой стороны, И.С. Тышлер делит единицу **tank** на два омонима, не найдя в значениях «емкость для хранения жидкостей» и «боевая гусеничная машина» семантического инварианта.

В большей степени последовательно удалось применить семантический критерий М.И. Задорожному, который разрабатывал его на материале русского языка. «Если под полисемией понимать наличие взаимосвязанности отдельных значений слова, а под омонимией – отсутствие такой взаимосвязанности и если каждое такое отдельное значение представить в виде набора семантических составляющих, или элементарных значений (сем), то наличие или отсутствие взаимосвязанности между от-

дельными значениями слова можно интерпретировать как наличие или отсутствие у них общих элементарных значений» [Задорожный, 1971, с. 28]. В качестве эмпирической операции ученый предлагает применять операцию пересечения множеств – наборов семантических составляющих, соответствующих каждому отдельному значению слова. Степень взаимосвязанности отдельных значений, по М.И. Задорожному, следует определять с помощью операции, устанавливающей отношение в материальном смысле числа общих семантических составляющих, присущих сравниваемым значениям, к числу их всех различных семантических составляющих по формуле

$$S_{ab} = 1 - (M_a \cap M_b) : (M_a \cup M_b),$$

где S_{ab} – степень близости значений a и b , M_a – множество (набор) семантических составляющих значения a , M_b – множество семантических составляющих значения b , \cap – знак пересечения множеств, \cup – знак суммирования множеств. Степень близости значений отдельного слова, таким образом, будет колебаться в пределах от нуля (полисемия) до единицы (омонимия). Автор называет этот метод компонентным и приводит такие примеры:

- Значение слова «думать» в предложении *Я тоже так думал* определяется набором составляющих «иметь мнение», а в предложении *Командант думал в тот же день допросить арестанта* набором «иметь намерение». Оба значения, по мнению М.И. Задорожного, имеют одно совпадающее элементарное значение «иметь» и три различных. По формуле расстояние между ними равно $2/3$, или $0,66$; следовательно, это – полисемия.
- Расстояние же между значениями «заклЮчить» /прийти к мнению/ и /посадить в тюрьму/, считает ученый, будет равно единице, так как они не имеют ни одного совпадающего значения и поэтому принадлежат разным словам-омонимам [Задорожный, 1971, с. 29] (Ср.: придать кому-либо/чему-либо, поместить кого-либо/что-либо в определенные рамки, границы).

Указанная методика не лишена недостатков. Во-первых, она слишком громоздка и могла бы скорее применяться при автоматизированном анализе, а во-вторых, не совсем ясно, как определить материальный смысл семантических составляющих и их конечное количество. Впрочем, автор, «вполне осознавая уязвимость предложенного подхода к разграничению полисемии и омонимии», надеется, что «это не будет служить препятствием дальнейшей разработке проблемы именно в указанном ключе» [там же, с. 59].

Еще в 1965 г. К.А. Аллендорф предлагала рассматривать семантический критерий разграничения полисемии и омонимии как использование

возможности/невозможности выведения «общего инвариантного значения». Вот как исследователь анализирует русские слова:

- *актив* «активная часть коллектива» и актив в бухгалтерском учете, по К.А. Аллендорф, имеют общее инвариантное значение «то, что действительно», следовательно, это – значения одного слова;
- *батарея* как «соединение приборов» и батарея в артиллерии также имеют общее инвариантное значение «соединение чего-либо однотипного для совместного действия»;
- *игла* – швейная, у патефона, у растения, у животного – «острый тонкий предмет».

Вместе с тем она затрудняется найти инвариантное значение у слов:

- *баширак* – «ботинок» и *баширак* – «тормозное устройство»;
 - *броненосец* – «корабль» и *броненосец* – «животное»;
 - *наметка* ниткой и *наметка* – «предварительное решение чего-либо»;
- и, таким образом, рассматривает их как омонимы [Аллендорф, 1965, с. 73], несмотря на то, что у первых двух устойчиво сохраняется семантический признак формы, а в последнем случае и то, и другое – это некий «план», «алгоритм» чего-либо.

К.А. Аллендорф рассматривает также два случая, приведенные еще В.И. Абаевым [Абаев, 1960] как примеры, вызывающие большой разнобой в словарях, и для которых, по ее словам, тоже должен быть применен семантический критерий:

- «1) слово помимо основного имеет еще переносное – образное значение; например, слово *жила* имеет еще образное значение «скупой человек», которое рассматривается как образующее новое слово, а значение «продажный человек» у слова *шкура* рассматривается как новое значение того же слова;
- 2) слово помимо основного значения имеет еще жаргонно-экспрессивное значение, например, жаргонно-экспрессивное значение слов *жарить*, *катать* рассматривается как образующее слова-омонимы, а употребление в таком же жаргонном значении слов *дуть*, *чесать* рассматривается как случай полисемии. К.А. Аллендорф приходит к довольно странному, как представляется, выводу: «Примеры как первого, так и второго случая не могут рассматриваться ни как примеры полисемии, ни как примеры омонимии» [Аллендорф, 1965, с. 74]. Первый случай она рассматривает как пример *переносного значения* слова, когда «на основе метафорического переноса слово изменяет свою соотнесенность, но сохраняет свое значение: это следует из того, что из переносного и основного значения нельзя вывести ни инвариантного значения, ни установить смежных признаков (следовательно, это не случай полисемии) и что переносное значение не является прямым непосредственным на-

званием данного предмета (следовательно, это не новое слово-омоним). Второй случай мы рассматриваем как примеры жаргонного *употребления* слов... Безусловно, указанные употребления могут служить причиной дальнейшего образования омонимов» [Аллендорф, 1965, с. 75]. Но тогда возникает вопрос, во-первых, каким образом при переносе значения на основе метафоры слово вдруг перестает быть полисемантическим, а во-вторых, термин *употребление*, надо полагать, не имеет ничего общего с семантической структурой слова (иначе мы должны были бы признать, что полисемантических слов не бывает и, попросту говоря, в структуре слова *свинья* не существует значения «грязный, неблагодарный или толстый человек», но это специальное «употребление» значения парнокопытного тупорылого животного). Другое дело, что всякое актуальное значение слова имеет коммуникативное содержание, но понимать это необходимо в смысле системы представлений коммуникантов о предмете дискурса, их коммуникативных установок и условий прохождения речевого акта [Архипов, 2001, 2006]. Лишь в этом ключе и следует, по всей видимости, рассматривать природу подобных «употреблений», т.е. в прагмалингвистике.

Свои взгляды К. Аллендорф основывает на том, что признает инвариантным значением «внеконтекстное значение, которое образуется в результате функционирования слова в системе языка» [Аллендорф, 1965, с. 69]. Здесь можно усмотреть некоторые противоречия в выводах автора. Исследователь предостерегает от того, чтобы рассматривать инвариантное значение как абстракцию, потому что оно является реально существующим значением, образовавшимся в результате функционирования данного слова в речи. Далее, впрочем, автор делает оговорку: «Это значение многозначного слова более абстрактно, чем его контекстные значения, однако оно может быть выражено в речи сочетанием соответствующих слов, и оно объединяет все контекстные значения, чем в основном и решается проблема семантического единства многозначного слова» [там же, с. 69]. (В отличие от К. Аллендорф, автор настоящей статьи придерживается мнения, что любой инвариант – это и есть абстракция самого высокого уровня как результат отражения (абстрагирования) в сознании наиболее существенных признаков объектов реального мира.)

В рассматриваемой теории есть еще один недостаток: во-первых, К. Аллендорф почему-то предлагает применять этот принцип только «для омонимов, возникающих на основе метафорических переносов: ... если из значений того же слова не может быть выведено общее инвариантное значение, то, следовательно, это новое слово – омоним» [там же, с. 73]. Тогда «за бортом» остаются слова, значения которых возникли не на основе переноса, а в результате контаминации или народного ос-

мысления некогда (этимологически) омонимов (см.: [Виноградов, 1965; Шмелев, 1964, с. 172; Малаховский, 1990, с. 207; Задорожный, 1971, с. 10] и др.). И более того, метафора, где ясно виден образ, лежащий в основе языкового сравнения различных онтологических сущностей, никак не может указывать на омонимию. (В любом случае, для чистоты анализа устанавливать происхождение отдельных единиц следует лишь после проведения самого разграничения полисемии и омонимии в синхронии.) Не ясны и сами принципы выведения того общего инвариантного значения, которое К.А. Аллендорф ставит во главу семантического анализа, вследствие чего и возникают затруднения в конкретных случаях.

Отнесение «спорной» единицы к явлению полисемии или омонимии на основе **когнитивно-семантического критерия разрешения лексической неоднозначности** предполагает использование положений прототипической семантики: гипотеза о существовании лексического прототипа как семантического инварианта всех актуальных речевых значений многозначного слова на уровне языковой системы, существующей в сознании языковой личности [Архипов, 2001], позволяет утверждать, что именно лексический прототип, представляющий собой пучок коммуникативно-значимых узуальных, категориальных и дифференциальных признаков, минимально необходимых для идентификации предмета или понятия, может быть положен в основу разграничения полисемии и омонимии на синхронном языковом уровне.

Это с необходимостью предполагает, что при разграничении полисемии и омонимии следует учитывать не «разнозначимость» слов, а наличие или отсутствие мотивированности значений, так как неоспоримо, что и значения многозначных слов означают разные предметы, и просто различная предметная отнесенность сама по себе не дифференцирует явления полисемии и омонимии (см., например, вступительную статью Т.П. Ломтева к [Задорожный, 1974] и др.).

Таким образом, звукокомплекс должен быть признан соответствующим полисемичному слову при возможности выведения одного лексического прототипа для всех лексико-семантических вариантов, соотносимых с данным звукокомплексом; и наоборот, при несовпадении лексических прототипов анализируемых единиц данные ЛСВ должны рассматриваться как принадлежащие разным словам-омонимам. Приведем пример анализа вышеупомянутой субстантивной единицы *tank*.

Предметом лексикографических споров относительно данной единицы являются лексико-семантические варианты «цистерна, бак, резервуар» и «танк». При этом английские толковые словари предпочитают подавать их как значения одного слова (за исключением CIDE), переводные словари (НАРМ, НБАРС) считают их омонимами.

TANK-1 «цистерна, бак». Большинство словарей предлагает именно это значение в качестве номинативно-непроизводного, выделяя в нем такие признаки, как а *large container, often metallic, used for holding/storing liquids/gases*. На этих признаках основываются такие сочетания, как *water tank, petrol tank, gasoline tank*, etc. Такой бак предназначен для хранения текучих или легко проникающих веществ, он должен быть закрытым и иметь крепкие стенки, следовательно, признаки *closed, with thick/protective walls* также являются релевантными для этого ЛСВ.

TANK-2 – «the amount that this container can hold» является метонимическим переносом от ННЗ (номинативно-непроизводного значения).

Значение TANK-3 – «водоем, резервуар (a natural or artificial pool, pond, small lake, reservoir or cistern)» – основано на признаках ННЗ *large container for holding water* и является расширением ННЗ. Такой резервуар отличается от других водоемов, по-видимому, тем, что здесь сильна импликация его практического использования человеком в своих целях: «especially one used to hold water for drinking or irrigation» [HERITAGE] или rowing tank (бассейн для гребли) [НБАРС]; сюда же можно отнести и experimental / model / trial tank (экспериментальный бассейн), подаваемое в НБАРС как отдельное значение. Судя по всему, признак «полной открытости / закрытости сверху» не является существенным.

TANK-4 – «фотобачок для проявления (developing tank)» – также основан на признаках ННЗ. Хотя обозначаемый им предмет и гораздо меньше в размерах, данный ЛСВ все же сохраняет интегральный признак *container*, а также физический *closed* и функциональный *for holding fluids*. Фотобачок, помимо того, не пропускает света, *защищая* таким образом фотопленку. Сохраняя в себе образ НН значения, данный ЛСВ может рассматриваться в качестве метафоры от ННЗ.

TANK-5 – «атомный реактор (*reactor tank*)» – также сохраняет метафорический образ ННЗ: это большая закрытая «емкость» с *защитными* стенками, в которой «*содержится*» нечто *нестабильное*, а также *вода* в качестве охладителя и замедлителя нейтронов.

TANK-6 – «отсек» – в таких сочетаниях, как *watertight tank* (водонепроницаемый отсек), *water ballast tank* (балластный отсек), *to blow the tanks* (освобождать балластные отсеки), также основан на семах *closed container with protective walls*. Такой отсек является внутренней частью корабля, человек не может наблюдать его извне, поэтому в данном значении отсутствует непосредственный образ номинативно-непроизводного значения, из чего следует, что указанный пучок сем достиг высокого уровня абстракции и был переосмыслен в прототип-инвариант этого слова.

На его же семмах *container, protecting* основан и TANK-7 в сочетании *information tank* («накопитель информации»). Это составная часть электронного оборудования (компьютера), в которой «скапливается» и «содержится» информация, «защищенная» от «утечки». По всей видимости, признак текучести (for holding *fluids*) также должен быть учтен при определении состава ЛП-инварианта.

TANK-8 – «танк (a *large enclosed* heavily armoured combat vehicle (with *thick protective walls*) that is mounted with cannon and guns and moves on caterpillar treads and *contains* ammunition and military personnel)» – как видно, содержит лишь семы физической формы. Однако этого уже достаточно, чтобы считать данное значение принадлежащим анализируемому слову.

TANK-9 – «тюряга/карцер (a gaol or jail cell for violent prisoners)». Раскрывая суть этого значения, мы можем выделить такие семы, как *a large building or part of it with thick protective walls and bars, hard to escape from, containing criminals*. Сема *escape* входит в одно ассоциативное поле с признаком текучести (*fluid*), «нестабильности» преступных элементов и является релевантной.

TANK-10 – «колебательный контур (oscillatory circuit)» – замкнутая электрическая цепь, состоящая из конденсатора емкостью C и катушки с индуктивностью L , в которой могут возбуждаться собственные колебания с частотой $\omega = 1/\sqrt{LC}$, обусловленные передачей энергии из электрического поля конденсатора в магнитное поле катушки и обратно; в реальных колебательных контурах всегда есть активное сопротивление, которое обуславливает затухание колебаний [БЭС]. Вероятно, для физика и специалиста-электрика такое научное определение выносит TANK-10 в разряд терминов; соответственно, в этом случае мы имеем дело с омонимом. Неспециалист, однако, может мотивировать данное значение признаком *container holding a fluid* (electric energy), входящим в лексический прототип «*a large container with thick protective walls for holding fluids or anything like that*».

TANK-11 – a small Indian dry measure, averaging 240 grains in weight; also, a Bombay weight of 72 grains, for pearls – не содержит ни одного из признаков выделенного лексического прототипа-инварианта, что и позволяет считать TANK-11 омонимом.

Таким образом, исследуемая единица приобретает следующий лексикографический вид:

TANK_{1(n)} a large container with thick/protective walls for holding fluids or anything like that

1) a large closed, often metallic container with thick protective walls, used for holding liquids and gases;

- 2) the amount that *this container* can hold;
- 3) a natural or artificial pool, pond, small lake, *reservoir or cistern*, esp. one used for Man's practical purposes (to *hold water* for drinking, irrigation, sports or experiments);
4. a developing tank – a *container* having special *liquid* in which photo films are developed;
5. a nuclear reactor in which chain reactions are carried out and which *contains water* as coolant and neutron moderator;
6. a *waterproof compartment* in a ship, often used for *holding* ballast;
7. an information *storage* device in a computer;
8. a *large* closed heavily armoured combat vehicle with *thick protective walls* that is mounted with cannon and guns, moves on caterpillar treads and *contains* ammunition and military personnel;
9. *Slang* a jail or jail *cell* with *thick protective walls* and bars which is hard to *escape* from and which is meant for *violent* prisoners;
10. *Physics* an oscillatory circuit *holding electric energy*.

TANK _{2(n)} a small Indian dry measure, averaging 240 grains in weight; also, a Bombay weight of 72 grains, for pearls.

Проведенный анализ лексической неоднозначности убеждает в том, что слова нельзя путать с предметами, так как слова – это результат символизации человеком: при номинации предмета (т.е. решении как-то его назвать, обозначить) человеку необходима определенная мотивация. Такая мотивация, весьма вероятно, обеспечивается в том числе и за счет лексических прототипов, составляющих каркас лексикона, хранящегося в сознании человека, и избавляющих его от необходимости «помнить» все когда-либо зафиксированные контекстуальные значения слов, список которых может достигать нескольких десятков.

Литература

1. *Абаев В.И.* Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // Лексикогр. сб. Вып. 4. М.: Прогресс, 1960. С. 71–76.
2. *Алендорф К.А.* Значение и изменение значений слов // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. М.: МГПИИЯ, 1965. Т. 32. С. 3–172.
3. *Архипов И.К.* Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 157–171.
4. *Архипов И.К.* Человеческий фактор в языке. СПб.: Невский ин-т языка и культуры, 2001.
5. *Виноградов В.В.* Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1965. № 5. С. 3–17.
6. *Задорожный М.И.* О границах омонимии и полисемии. М.: МГУ, 1971.
7. *Малаховский Л.В.* Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука, 1990.

8. *Новиков Д.Н.* К вопросу о лексической неоднозначности и методах ее разграничения // *Филологические науки в МГИМО. Сб. науч. тр. № 13 (28).* М.: МГИМО (У) МИД России, 2003. С. 147–159.
9. *Тышлер И.С.* Омонимия в современном английском языке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988.
10. *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М.: Наука, 1964.

Лексикографические источники

- CIDE – Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 1995.
- HERITAGE – The American Heritage Dictionary. Second College Edition. Houghton Mifflin Company. Boston, 1985.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2000.
- НБАРС – Новый большой англо-русский словарь / под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Рус. яз., 1998.
- НАРС – Новый англо-русский словарь. Modern English-Russian Dictionary / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. М.: Рус. яз., 1994.